

Прокопьева Марина Юрьевна**Prokopyeva Marina Yuryevna**

кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Курганского государственного университета

PhD, Associate Professor,
Cultural Studies Department,
Kurgan State University

Фиронов Николай Николаевич**Fironov Nikolay Nikolaevich**

студент исторического факультета
Курганского государственного университета

Student, History Department,
Kurgan State University

ШАРЛЬ БОДЛЕР: ОТ ЭРОСА К ТАНАТОСУ

CHARLES BAUDELAIRE: FROM EROS TO THANATOS

Аннотация:

В статье предлагается концепция, объясняющая творческую субъективность Шарля Бодлера, которая рассматривается через призму теории эгоцентризма и экзистенциальной философии. Обращается внимание на формы эгоцентризма поэта – вербальный, моральный, коммуникативный, формирующиеся при попытке воссоздания целостной картины мира через скуку, тоску и тошноту. Поэт пытается понять, принять и показать действительность через ничтожение, борьбу Эроса и Танатоса. Вербальный эгоцентризм соединяет объект и субъект в единое целое, полностью вытесняя внешний мир, что порождает скуку. Моральный эгоцентризм, сопровождаемый иллюзией и тоской, подразумевает неспособность воспринимать основные моральные качества и поступки других людей и устремляет поэта к Танатосу. Коммуникативный эгоцентризм, сопровождаемый иллюзией и тоской, становится основополагающим принципом дальнейшей жизни, превращает Бодлера в «жертву от самого себя». Для Бодлера попытка познать лишь себя и найти себя в этом мире существования, а не бытия есть возможность реконструкции «расколотого» бытия, которая превращается в деструкцию действительности, питаемую эгоцентризмом поэта. Бесконечное заикливание на самом себе, попытки реконструкции одного иллюзорного мира и создания другого, фрагментарность мира вместо структурности, подмена собственных ценностей и выражение себя через творчество стали особенностями эгоцентризма Шарля Бодлера.

Ключевые слова:

Эрос, Танатос, вербальный эгоцентризм, моральный эгоцентризм, коммуникативный эгоцентризм, ничтожение, скука, тоска, тошнота, «другой», Шарль Бодлер.

Summary:

The paper presents a concept that explains the creative subjectivity of Charles Baudelaire which is considered through the prism of the theory of egocentrism and existential philosophy. The research focuses on the verbal, moral and communicative forms of the poet's egocentrism that have been formed while recreating the holistic view of the world through boredom, melancholy and nausea. The poet tries to understand, accept and demonstrate the reality through the nullity, the struggle between Eros and Thanatos. Verbal egocentrism integrates the object with the subject and displaces the outside world in full that engenders boredom. Moral egocentrism fostered by nausea implies the inability to perceive the basic moral qualities and the actions of others and directs the poet towards Thanatos. Communicative egocentrism accompanied by illusion and melancholy becomes a fundamental principle of later life, turns Baudelaire into a "sacrifice from himself". Baudelaire believes that an attempt to know himself and find himself in this world of existence rather than the being is a possibility of reconstructing the "split" of being, which turns into the destruction of reality supported by the egocentrism of the poet. The hyperfocus on oneself, the attempts to reconstruct one illusory world and create the other, the fragments of the world instead of its structure, the substitution of one's own values and expression of oneself through creativity are the main features of egocentrism according to Charles Baudelaire.

Keywords:

Eros, Thanatos, verbal egocentrism, moral egocentrism, communicative egocentrism, nullity, boredom, melancholy, nausea, Other, Charles Baudelaire.

Подлинная поэзия близка философии, так как сводит реальность к символам, дает ее об-разное восприятие. Поэтому существует немало примеров философского анализа поэтического творчества, которые дают возможность лучше понять произведения автора либо личность автора через его произведения. С этой точки зрения представляет интерес французский поэт Шарль Бодлер – «первооткрыватель утонченного декаданта», который отвергает общепринятую мораль, культивирует красоту, эстетизирует грех и порок, противопоставляет серость жизни общественным идеалам. В его творчестве значительное место занимают мотивы смерти, разрушения, бегства от действительности в мир иллюзий, большой эстетики, которую называют то эстетикой безобразного, то эстетикой реальной жизни, но эта эстетика полностью вытесняет этику.

Творчество Шарля Бодлера привлекало и привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, среди которых Т. Готье, П. Валери, Ж.-П. Сартр, В. Брюсов и др. Интерес представляют работы авторов, которые обосновывают взаимосвязь творчества и личности поэта. Так, Поль Валери в эссе «Положение Бодлера» обращает внимание на психологию

творчества Ш. Бодлера и приходит к выводу, что литературное бытие поэта «неизбежно влекло его к отрицанию, к ниспровержению авторов, которые, как ему кажется, заполняют все пространство известности и устанавливают разного рода запреты: один – на мир форм, другой – на мир чувств, третий – на живописность, четвертый – на глубину» [1, с. 599–600].

Экзистенциальный портрет Шарля Бодлера дает Ж.-П. Сартр в работе «Бодлер», где выделяет доминирующую черту личности поэта, которую называет «радикальным пессимизмом», возвращающим его в прошлое, выбирающего «способ жить вспять», «двигаться задом наперед, обратив взор в прошлое» [2], т. е. стремящегося к Эросу.

По нашему мнению, экзистенция Бодлера намеренно направлена к Танатосу. Данное состояние приводит поэта к идее, сформулированной Зигмундом Фрейдом гораздо позднее, – идее борьбы Эроса (инстинкта жизни) и Танатоса (инстинкта смерти), которая трактуется как активное, фундаментальное и определяющее основание жизни и психической деятельности человека. Человек воспринимает Танатос в определенный момент Эроса: пограничном состоянии. Для Бодлера эта граница появляется гораздо раньше, в его ничтожении бытия, сознающем свою конечность через скуку, тошноту и тоску.

Творчество Шарля Бодлера есть сам Шарль Бодлер. Показательна судьба поэта, его мир, приобретающий свои очертания и формы благодаря его эгоцентризму. Термин «эгоцентризм» был введен швейцарским философом и психологом Жаном Пиаже для описания особенностей детского мышления, характерной чертой которого является восприятие собственной точки зрения как единственно существующей [3]. В эгоцентризме Шарля Бодлера мы выделили три его формы: вербальный эгоцентризм, культивируемый скукой, моральный эгоцентризм, питаемый тошнотой, и коммуникативный эгоцентризм, приведший поэта к тоске и осознанию безысходности существования. Формирование данных форм эгоцентризма неразрывно связано с трагической судьбой поэта и особенностями его мировоззрения.

Шарль Бодлер – гениальный поэт и эссеист, но в то же время его называют «проклятым», «сатанинским поэтом», поэтом Зла, которое растлевает читателя. Зло как одно из основных понятий морали обозначает негативные стороны жизни людей и отношений между ними. Но роль зла в обществе двойственна: оно одновременно и притягивает, и отталкивает. Хотя суть зла – в порче и искажении вещей, в разрушении, оно вызывает в душах людей чувства несовершенства и стремления к лучшему. Между полюсами добра и зла возможно только нравственное движение, являющееся вечным двигателем жизни.

Творчество Бодлера, пропитанное и источающее Зло, вобрало в себя его суть: одних оно притягивает своей новизной и остротой, яркостью и ослепительностью, других отталкивает своей непристойностью, богохульством и грязью. Его поэзия раздвигает границы дозволенного и приоткрывает завесу неизведанного, запретного. Зло притягательно по своей природе, поэтому ретрограды-классики приписывают Бодлеру противопоставление своей низкой, тварной воли воле Бога, а сам поэт, в их глазах, возомнил себя искусителем сердец, принимающих его образ жизни и миропонимания.

Человек очень легко поддается искушениям. Искушение, соблазн, прельщение направляют сознание человека к внешней действительности, а самообман – к своему «я», но, пересекаясь друг с другом, они создают новую, иную реальность. Самообман «конституирует человеческую реальность в качестве бытия, которое есть то, чем оно не является, и которое не есть то, чем является» [4, с. 135], т. е. по сути создает видимость существования, придавая ей некую ценность. Но эту видимость человек проецирует в своем сознании прежде всего «для себя», поэтому самообман оказывается «собственной» верой: не сохраняя при этом ни норм, ни критериев истины, он сам становится истиной. Самообман, по словам Ж.-П. Сартра, является глубоким распадом внутри бытия, угрожающим всякому проекту человеческого бытия, так как человек в самообмане возвышается над «собственным» бытием не к другому бытию, а к пустоте [5, с. 142], т. е. к ничтожению бытия, центральным вектором которого является стремление к Ничто.

С одной стороны, искушение ведет в обманчивый мир переворачивания ценностей, к самообману: свобода оборачивается рабством, личностное самоопределение – безличными объективациями, духовное единение с другими – разобщенностью. С другой стороны, с искушения начинаются история общества и свобода человека, искушение дает «опыт культурной границы, границы приемлемости, позитивности» [6, с. 32]. Данная амбивалентность искушения проявляется у Бодлера в стремлении к Танатосу, ничтожению бытия как наилучшей для себя возможности в чувственных проявлениях обнажить творческое и волевое начало, тем самым обеспечив себе истинное бытие. Бодлер смакует Зло и заставляет смаковать и восхищаться им своих молодых поклонников, которых становится все больше и больше не только во Франции, но и в других странах. Он становится олицетворением Зла, которое тянет и манит как все неизведанное, недоступное и запретное.

Ничтожение бодлеровского мира проявляется в соединении иллюзорного поэтического мира с реальностью: «...Моя задача – заняться добыванием Прекрасного из Зла» [7, с. 5]. Он теряет веру в Истину: «Чистый разум стремится к Истине, эстетический вкус ищет Красоты, а моральное

нравственное чувство научает нас Долгу» [8, с. 25], но порок противостоит Истине, возмущает разум, совесть и гармонию миропорядка. Отношение Бодлера к Злу, ничтожению бытия и жизни становится амбивалентным, и он «опьяняется» этой двойственностью, «чтобы не ощущать ужасный груз Времени, который давит нам на плечи и пригибает нас к земле» [9]. Он нарушает установленную кем-то гармонию и миропорядок, те рамки и границы, которых у него нет, но священными для него остаются природа и естество, и поэт в парадоксальной форме воспеваает их.

Мир Бодлера сложен и многогранен. Это некая фрагментарность, не имеющая структурности, которая для самого Бодлера так и не стала целостностью, но закрепила за ним ярлык «проклятого поэта». Во-первых, это разделение иллюзорного поэтического мира и мира реального, во-вторых, трагическая судьба поэта, оставившая отпечаток в его творчестве. Бодлер пытается найти баланс между этими мирами, соединить их в единую целостную картину мира, но все его попытки тщетны. Данная фрагментарность мира Шарля Бодлера может быть понятна лишь при погружении в его эгоцентризм.

Если верить биографам Бодлера, его детство было «ослепительно счастливым», он был долгожданным и единственным ребенком. Его первый мир – это мир семьи, в которой отец, Жозеф Франсуа Бодлер, передает своему сыну ту изысканность и утонченность, которые стали основой дендизма Шарля. Однако более важную роль в этом детском мире занимала все-таки мать Бодлера – Каролина, хрупкое создание, она становится целой вселенной, и он должен ее защитить, поэтому юный Шарль абсолютизирует ее значимость в своей жизни. Материнский мир, наполненный заботой и любовью, становится единственным, а мать – его центром. Но этот мир рушится, а «его бог предаёт его».

Мать выходит замуж и ставит интересы нового мужа выше интересов сына. В его письмах не раз появляется мысль, что мать не имела права выходить замуж, имея такого сына, как он. Достаточно юному Бодлеру приходится столкнуться с действительной реальностью, к которой он был абсолютно не готов. Шарль, ограничивший себя материнским миром, не может воспринять эту действительную реальность, а материнский мир, единственный и счастливый, целостный, разбивается на мелкие куски. Ему приходится принять эту реальность, но принимает он ее по-своему, через свое воображение, создавая другой мир, собирая его, как мозаику, из отдельных, понятных только ему фрагментов. Утраченная целостность бытия, его фрагментарность ведут Бодлера к потере своей идентичности, он не испытывает ответственности за свою жизнь, за жизнь других и становится одержим каждым ее отдельным фрагментом.

Муки ревности дают толчок развитию вербального эгоцентризма, где объект и субъект соединяются в единое целое; субъект, игнорируя «я», не может выйти из «я», чтобы найти свое место в мире отношений, освобожденных от субъективных связей; познание мира концентрируется только на субъекте; внешний мир (любой) просто отсутствует. Идеи субъекта есть продукт его собственной активности, они меняются и искажаются в зависимости от позиций субъекта.

Вербальный эгоцентризм Бодлера закликает его на собственном «я» и порождает скуку, которая с точки зрения экзистенциализма есть главное условие возникновения пустого пространства, Ничто (т. е. отсутствие внешнего мира) и саморефлексии («я»). Экзистенциализм выделяет деструктивную скуку, которая приводит человека к психическим заболеваниям, и конструктивную – ведет к постижению истинности целостного бытия. Для Бодлера скука явилась началом ничтожения мира и личности через чувства, обнажив творческую составляющую его личности.

В первой половине XIX в. в журнале «Артист» появляются его первые стихи («Даме крепке», «Дон Жуан в аду», «Малабарской девушке»), которые наполнены чувством разочарования и тоски. Однако становление Бодлера как поэта, его мировоззренческих позиций происходит примерно на десятилетие позже. Парадоксальным становится проявление вербального эгоцентризма, граничащего со скукой, переходящей в тоску. Скука диктует поэту главные темы его произведений: всепроникающая природа бездуховности и столкновение идеалов с серостью жизни.

Юный Бодлер своей маргинальностью шокирует мать и отчима, которые, чтобы дать другое направление его мыслям, спасти юношу от «пагубного пути», отправляют его путешествовать в Индию. Пробыв в путешествии какое-то время, Шарль не выдерживает и требует, чтобы его доставили обратно во Францию. Мы видим, что, напрямую столкнувшись с действительностью, он не воспринимает ее, а предпочитает остаться в своем иллюзорном мире. Он не желает что-то менять, а остается верен своему миру, однако реальность становится для него слишком зыбкой, теряет свои границы. Неудовлетворенность реальным путешествием побуждает его создать еще один мир – мир иллюзий, который опять же ведет его к ничтожению бытия, к тошноте.

Как птица, радостно порхая вокруг снастей,
Мой дух стремился вдаль, надеждой окрыленный,
И улетал корабль, как ангел, опьяненный
Лазурью ясною и золотом лучей [10].

Другой формой эгоцентризма у Бодлера становится моральный эгоцентризм, питаемый тошнотой, который подразумевает неспособность воспринимать основные моральные качества и поступки людей. Наваждение революционных событий 40-х гг. XIX в., где Шарль наряду с рабочими сражался на баррикадах, перерастает в отвращение к политике и обществу. Он бросает вызов буржуазной добропорядочности, возвращаясь к божественному образу жизни. Другие просто не существуют для него. Тошнота открывает абсурд и хаос человеческого существования, напоминающего «неловкие усилия насекомого, опрокинутого на спину».

Разрушенный мир, иллюзии не позволяют Бодлеру принять основы морали общества, в которое он был «заброшен» и в котором ему приходилось быть. «Быть» для него становится «не быть», «не существовать». Соответственно, Бодлер создает свою мораль, которая становится основой его нового мира. Так же, как и герой Ж.-П. Сартра Рокантен, Бодлер находит выход из состояния тошноты в творчестве, в котором снова и снова пытается создать целостную картину «расколотого» мира.

В стихотворении «Дон Жуан в аду» Бодлер начинает выстраивать этот новый мир, еще им непонятый, но уже видимый:

У руля, весь окован железной броней,
Исполнн возвышается черной горой,
Но, на шпагу свою опершись рукою,
За волною следит равнодушно герой [11, с. 92].

Бодлер уже находится в пограничном состоянии, которое экзистенциализм трактует как экзистенциальное существование, нивелирующее личность и отчасти предлагающее ей выбор. Он понимает, что фрагментарность мира уже никогда не станет целостностью и не создаст тот идиллический мир, мир его матери, мир Добра и Красоты, мир Эроса:

Мы, извращенные, мы, поздние народы,
Ждем красоты иной, чем в девственные годы:
Пленяют нас тоской изрытые черты,
Печаль красивая и яд больной мечты [12, с. 80].

Стремление к Танатосу приобретает четкие контуры у Бодлера в сборнике «Цветы зла», который получил скандальную славу. Сборник выходил в нескольких редакциях. Первое издание привело к суду, Бодлер был оштрафован «за нарушение норм общественной морали», поэтому ему пришлось убрать из сборника шесть самых «непристойных» (это определил суд) стихотворений.

Бодлера осудили не только за «непристойность», но и за чрезмерную пессимистичность, которую можно объяснить попыткой увидеть себя со стороны «другого». Его произведения – это взгляд со стороны. Он – это Бодлер, находящийся в своем мире, внутри его, а его произведения – это внешнее, «грязное», «непристойное», как определили редакторы, то, к чему он не имеет отношения, то, что появляется благодаря «другому».

Следующую форму эгоцентризма Бодлера назовем коммуникативным эгоцентризмом, основной особенностью которого является пренебрежение смысловым наполнением информации при передаче другим людям. «Речь для себя», сопровождаемая иллюзией, становится основополагающим принципом его дальнейшей жизни, не исчезает из нее, а только приобретает другие формы.

Бодлер пытается увидеть себя со стороны «другого», но коммуникативный эгоцентризм, подпитываемый эгоцентризмом моральным, только лишь утверждает его стремление к Танатосу и утверждению крайней формы эгоцентризма, граничащей с шизофренией. Сознание Бодлера не имеет глубинной цели, оно скользит по поверхности, и ни одна из ценностей не доминирует, все ценности равны, потому что это ценности «другого». «Речь для себя» заполняет поэта и его творчество тоской, т. е. переживанием бессмысленности своего существования, которое стало результатом потери, «расколотоности» материнского счастливого мира и заменой его на мир фрагментарный, нашедший отражение в его творчестве. Тоска для Бодлера есть бегство от своей истинной природы и свободы, т. е. «судорожное» стремление к Танатосу.

Безумье, скарденность, и алчность, и разврат,
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, услаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.
Упорен в нас порок, раскаянье – притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.

<...>

То – Скука! – облаком своей houка одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.

Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник,
Ты знал чудовище утонченное это?! [13, с. 71].

Потеря себя в новой реальности, обман и иллюзия превращают его в «жертву от самого себя», пытающуюся познать лишь себя и найти себя в этом мире, в мире, выдуманном им самим, в мире, который не соответствует действительности, в мире существования, а не бытия, в со-бытийном мире. Этот мир обмана и иллюзий явился попыткой реконструкции того материнского мира, придуманного Бодлером, где он и она были всей вселенной. Эти попытки реконструкции превращаются в деструкцию действительности, в которой он живет, питаемой его эгоцентризмом.

Эгоцентризм Бодлера – это, во-первых, соединение разных форм эгоцентризма. Вербальный эгоцентризм стирает грань между «я» и окружающим миром. Если в мире юного Бодлера существовали он и его мать, то мир Бодлера-поэта можно описать как «я» есть «я»; чувства, желания и идеи других просто не существуют. Деструкция скуки, сопровождающая эту форму эгоцентризма, определяет вектор судьбы поэта – Танатос. Моральный эгоцентризм, питаемый тошнотой, по мнению самого Бодлера, снял наваждение общественных правил и норм и показал весь абсурд и хаос человеческого существования. Поэт создает свою мораль, свои правила и нормы и искушает ими общество, смакуя Зло и вынуждая делать это своих поклонников. Коммуникативный эгоцентризм становится попыткой увидеть себя со стороны «другого», но «речь для себя» исключает «другого» и заменяет его «я» («я» – «другой» = «я – я»), превращает эго в центральный фрагмент иллюзорной реальности поэта, заполняет его творчество тоской, т. е. переживанием бессмысленности своего существования.

Во-вторых, это принятие особенностей каждой из форм эгоцентризма и утверждение его крайней формы в тошноте и тоске по миру. Деструктивная форма скуки, как мы говорили ранее, сопровождающая раннюю стадию эгоцентризма, приводит к психическим расстройствам личности. Шарль Бодлер умирает в больнице для умалишенных.

Бесконечное зацикливание на самом себе, попытки реконструкции одного иллюзорного мира и создания другого, фрагментарность мира вместо структурности, подмена собственных ценностей и выражение себя через творчество стали особенностями эгоцентризма Шарля Бодлера, направляющего его к Танатосу.

Ссылки:

1. Valéry P. Œuvres. T. I. P., 1957. 1872 p.
2. Sartre J.-P. Baudelaire. Paris, 1947.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994. 528 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии : пер. с фр. М., 2009. 925 с.
5. Там же. С. 142.
6. Конев В.А. Онтология культуры (Избранные работы). Самара, 1998. 195 с.
7. Бодлер Ш. Предисловие // Бодлер Ш. Цветы зла / пер. с фр. Эллиса ; вступ. ст. Т. Готье ; предисл. В. Брюсова. Минск ; М., 2001. 288 с.
8. Готье Т. Шарль Бодлер // Там же.
9. Бодлер Ш. Опьянитесь! [Электронный ресурс] // Шарль Пьер Бодлер. URL: <http://bodlers.ru/229.html> (дата обращения: 29.04.2018).
10. Бодлер Ш. Путешествие на остров Цитеру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=17626> (дата обращения: 24.04.2018).
11. Бодлер Ш. Дон Жуан в аду // Бодлер Ш. Цветы зла. С. 92.
12. Бодлер Ш. Я полюбил нагих веков воспоминанья // Там же. С. 80.
13. Бодлер Ш. Предисловие // Там же. С. 71.

References:

- Baudelaire, Ch 2018a, *A Voyage to Cythera*, viewed 24 April 2018, <<http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=17626>>, (in Russian).
- Baudelaire, Ch 2018b, 'Get drunk', *Charles Pierre Baudelaire*, viewed 29 April 2018, <<http://bodlers.ru/229.html>>, (in Russian).
- Baudelaire, Ch, Gautier, T, Bryusov, V (comps.) & Ellis (transl.) 2001a, 'Don Giovanni in Hell', *Baudelaire S. Tsvety zla*, Minsk, Moscow, p. 92, (in Russian).
- Baudelaire, Ch, Gautier, T, Bryusov, V (comps.) & Ellis (transl.) 2001b, 'I fell in love with memories', *Baudelaire S. Tsvety zla*, Minsk, Moscow, p. 80, (in Russian).
- Baudelaire, Ch, Gautier, T, Bryusov, V (comps.) & Ellis (transl.) 2001c, 'Preface', *Baudelaire S. Tsvety zla*, Minsk, Moscow, p. 71, (in Russian).
- Konev, VA 1998, *Cultural ontology (Selected works)*, Samara, 195 p., (in Russian).
- Piaget, J 1994, *Speech and thinking of the child*, Moscow, 528 p., (in Russian).
- Sartre, J-P 1947, *Baudelaire*, Paris, 1947.
- Sartre, J-P 2009, *Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology*, Moscow, 925 p., (in Russian).
- Valéry, P 1957, *Œuvres*, T. I, Paris, 1872 p., (in French).